

Влияние социокультурных матриц на специфику развития банковской деятельности

© В.В. Зубов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125993, Россия

С точки зрения философии науки и техники разобраны причины корреляции религиозных установок определенного социума и тех форм и механизмов банковской деятельности, которые появились и стали развиваться в той или иной стране. Подчеркнуто, что особенности социального поведения людей, в том числе экономического, сложно и нелинейно детерминируются социокультурными матрицами социализации того социума, в рамках которого рождается, воспитывается и действует индивид. Отмечено, что социокультурные матрицы представляют собой совокупности социокультурных, институциональных и психолого-поведенческих паттернов, передающихся в ходе первичной социализации посредством культурно-поведенческих стереотипов и встраивающихся в подсознание отдельных индивидов. Обращено внимание на тесную связь между религиозными социально-культурными матрицами и ранним периодом институционализации банковской деятельности. Иудаизм, католицизм, протестантизм, православие, ислам определили траекторию развития банковской деятельности в связи с существованием сложной системы запретов на те или иные финансовые действия. Показано, что решение чисто экономических задач и достижение прибыльности банковской деятельности как одного из видов предпринимательства всегда сопровождалось появлением достаточно изощренных инструментов для преодоления этих запретов и достижения поставленных экономических целей, в том числе целый набор уловок и притворных сделок для извлечения прибыли и обхода религиозных установок.

Ключевые слова: *социокультурная матрица, социализация, религия, ментальность, банк, банковская деятельность*

В контексте философской рефлексии над проблематикой банков и банковской деятельности особый интерес представляет анализ влияния социокультурных матриц социализации и отличительных черт ментальности разных этносов на особенности развития и специфику форм и механизмов рассматриваемого вида финансово-экономической активности.

Тематика различия ментальностей в кросс-этническом измерении для научного дискурса является к настоящему времени привычной и устоявшейся, что определяет высокую степень ее научной разработанности. Одно из лучших исследований на эту тему принадлежит видному исследователю Г.Д. Гачеву, автору книги «Ментальности народов мира» [1]. Кроме того, в периодической печати последних лет можно

встретить работы, посвященные изучению влияния религиозно-этических систем (т. е. конструктов, напрямую детерминирующих ментальность этнокультурных общностей) на специфику выстраивания социально-политических отношений в отдельных обществах. В частности, это статья А.Р. Филиппова, в которой показано, как «конфуцианские этико-политические принципы» [2, с. 39] стали основой для выстраивания власти сегунатом Токугава и дальнейшей экономической изоляции Японии.

Отмечать поликультурность мира в науке и публицистике стало уже привычным и банальным, так же как и подчеркивать сложную систему нелинейной детерминации ментальными матрицами конкретного социума особенностей поведения людей, в том числе экономического.

Исходя из идей Г.Ю. Беляева, можно утверждать, что поведение акторов — опредмечивание общего типа сознания, общения, миропонимания и деятельности данного конкретного сообщества в русле присущих ему этнокультурных традиций. Социокультурные матрицы, по сути, являются той ментальной парадигмой, тем субстратом, той окружающей социальной средой, внутри которой социализируется, обучается и воспитывается индивид. Эти матрицы — сложные системы совокупности социальных и культурных институтов, традиций, ритуалов, форм воспитания и т. п. Механизмом их передачи являются культурно-поведенческие стереотипы, усваиваемые в процессе социализации в первую очередь в ближнем социуме — в семье — и используемые индивидом автоматически, на уровне подсознания. «Культурные стереотипы — это специфический механизм социокультурной адаптации общества и социального индивида к условиям, воздействиям и перспективам развития среды обитания» [3, с. 23].

Процесс социализации индивида, как подчеркивает В.Л. Абушенко, предполагает «одновременное:

- усвоение социальных ролей и образцов поведения, позволяющих индивиду претендовать на занятие определенных социальных позиций и приобретения соответствующего(их) социального(ых) статуса(ов);
- овладение формами, ценностями, символами, нормами, традициями, языками, смыслами и т. д. культуры;
- приобретение собственного социокультурного опыта и личностной (социальной, этнической, профессиональной и т. д.) идентичности;
- достижение статуса “взрослого” — самостоятельного и автономного деятеля (субъекта, актора), способного к принятию ответственных решений, касающихся его жизни в соответствии с институционально и межличностно транслируемыми предписаниями, запретами и ожиданиями общества, а также социальных общностей и групп, к которым принадлежит индивид» [4, с. 66].

Есть еще один принципиально важный момент: социализация обязательно включает в себя фазы адаптации (активной, т. е. с элементами

критики, и пассивной, т. е. безальтернативное принятие норм и ценностей) и интернализации (интериоризации). Интериоризация «означает сущностное, глубинное включение индивида в процесс, освоение его таким образом, что происходит органичное превращение норм, стандартов, стереотипов поведения, ценностей, характерных для внешней среды, во внутреннюю “принадлежность” личности» [5, с. 177].

Важно отметить, что социализация должна обеспечивать социальный баланс между инновационной (креативной) и традиционной (репродуктивной) составляющими в общественной жизни, баланс стабильности и социальных изменений [4, с. 66]. С этой точки зрения вся история прогресса человечества связана с противоречивыми попытками наиболее пассионарных индивидов преодолеть данные парадигмальные ограничения воспринятой ими культуры их социума, выйти за приобретенные ими в процессе социализации референтные рамки и создать что-то новое, необычное, противоречащее ограничениям, что обществом нередко изначально воспринимается как девиантное поведение, но потом охотно используется в повседневной практике. При этом во многом деятельностная энергия пассионариев направляется на ниспровержение старых и закрепление новых моделей общественного согласия — ситуаций, при которых «индивиды, социальные образования (институты) и субъекты публичной власти имеют некие общие точки соприкосновения, становящиеся основой политической интеграции и кооперации» [6, с. 15].

Успех и особенности развития хозяйственного механизма страны, в том числе банковской системы и банковской деятельности, по сложной траектории причинно-следственных отношений зависят не только от экономических, но и неэкономических факторов: географического и геополитического положения страны, исторических традиций, исторического самосознания (менталитета), сложившейся и принятой большинством системы ценностей и норм морали, культурологических установок, уровня массового политического и правового сознания [7, с. 14].

В человеческой ментальности существуют так называемые исторические факторы «длительной протяженности». Это понятие ввел Франсуа Лефевр. «Прочно закрепившиеся в общественной психологии, передающиеся почти бессознательно, машинально, по инерции от поколения к поколению традиции бытового, семейного и социального уклада, народные верования, предрассудки, предпочтения и предубеждения изменяются неизмеримо медленнее, чем наблюдаемые каждым из поколений исторические события» [8].

Совокупность этих факторов в конечном счете формирует и обыденное, и научное экономическое мировоззрение членов социума.

В.Н. Волович подчеркивает: «...экономическое мировоззрение выступает не только основной формой отражения экономического бытия как объективной реальности, но и творит (если так можно выразиться)

экономическое бытие, а значит, определяет основной вектор развития того или иного общества на определенной ступени его исторического развития» [9, с. 226].

Именно это обыденное и научное экономическое мировоззрение формирует те модели экономики, в том числе ее банковской подсистемы, которые адекватны существующей в конкретном социуме и регионе ментальности.

Например, Волович указывает: «Американская и европейская модели рыночной экономики исходят из признания экономического индивидуализма как движущей силы социально-экономического развития, что характеризует сущность западной цивилизации» [7, с. 15].

Н.Н. Покровская справедливо замечает: «Социокультурный анализ показывает, что содержание целевой функции определяется шкалой ценностей, принятой в обществе. В частности, происхождение однолинейной ориентации на экстремумы (максимизация результата и минимизация затрат) объясняется, помимо других факторов, религиозными основаниями (протестантский дух как стремление к высшей цели — к Божьей благодати)» [10, с. 131, 132].

Задача автора настоящей статьи — выявить и показать эту корреляцию между ментальными установками социума и особенностями формирования и функционирования его банковской системы. Особенно данная корреляция видна при анализе религиозно-мировоззренческих установок актуальной этнокультуры социума и их непосредственной взаимосвязи с современными им принципами, формами и механизмами банковской деятельности. Автор исходит из того, что в период первичного формирования банковской деятельности и банков как социальных институтов основой социокультурных матриц социализации было господствовавшее в регионе религиозное мировоззрение, влияние которого необычайно сильно даже в современных преимущественно светских государствах.

В религиозных обществах основой поведения, в том числе экономического, и основой этнокультуры всегда была религия. Данная проблематика давно и достаточно подробно изучена в мировой науке. Самое пристальное внимание на это обращали в своих работах Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето, Т. Парсонс, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин и другие исследователи. Существовавшая система ценностей, имевшая религиозную основу, всегда формировала систему социальных институтов. «В современной зарубежной литературе, посвященной не только истории экономики, но и теории предпринимательства, идея о системообразующем воздействии на предпринимательство религиозной этики и религии в ее конкретных формах является аксиоматичной» [11, с. 59].

Парсонс утверждал, что первичная потребность общества в отношении его личностей — мотивация их участия и согласие с нормами

и требованиями общества. Суть социализации человека — в первую очередь приверженность ценностным образцам, которые непосредственно связаны с религиозными ориентациями [12, с. 91, 92]. «Церковь — один из факторов социализации человека» [12, с. 99], так было в древности и в средние века, а сегодня, несмотря на ослабление ее влияния в некоторых странах, воздействие религиозных установок на ментальность и повседневную жизнь людей, в том числе на особенности устройства экономической и финансовой сферы, остается очень серьезным.

Т.А. Смирнов в статье «Семья и социализация личности» написал: «Процессы социализации личности обусловлены и влиянием религии. На это обстоятельство указывают многие исследователи. Например, Э. Трельч, полагавший, что человек априори религиозен. В своей работе “Социальные учения христианских церквей и групп” (1912) ученый разработал типологию религиозных групп, где показал, что религиозная догматика, религиозная этика историчны и складываются под влиянием социально-экономических условий своего времени» [13]. Вместе с тем религиозная идея, претворенная в церковной организации, формирует нормы жизни общества.

Дюркгейм высказывал мнение о том, что религиозные представления и символы не являются иллюзиями; они конституируют общество, существуют в сознании индивида для того, чтобы препятствовать эгоцентрическим импульсам и дисциплинировать его, дают возможность объективно относиться к внешней реальности. Дюркгейм подчеркивал огромное значение религиозной деятельности для стимулирования позитивного участия индивида в социальной и семейной жизни.

Вебер, строя типологию смыслов, проявившихся в истории, показал, что идеальные предпосылки играют решающую роль в мотивации хозяйственного поведения личности в социальной и семейной средах. Например, в работе «Хозяйственная этика мировых религий. Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм» он отмечает, что в китайском языке нет специального слова для обозначения религии, и что религиозные ритуалы обладают традиционной функцией регулирования мирских дел — заключения брака, рождения детей, содержания семьи. Характеризуя различные религиозные системы, в том числе конфуцианство и ислам, он показал, что социализация личности в различных религиозных средах протекает по-разному. Так, «в исламистской среде процесс социализации личности оказался в состоянии стагнации, традиция превзошла инновацию, поскольку противоречия между постоянством священного закона и изменяющимися социальными условиями препятствовали ее развитию» [14, с. 377].

В.В. Керов справедливо указывает, что «поскольку религия соотносится с тремя подсистемами — культурной, личностной и социальной, ее воздействие на общественный праксис реализуется через различные

и многообразные каналы. Функционирование одного из важнейших каналов определяется тем, что религия в средние века и раннее новое время являет собой наиболее значимый институциональный лимит рационального выбора при принятии решений в ходе социальной практики, определяя формат норм поведения — морали» [11, с. 58]. Существовавшая основная система ценностей формировала систему социальных институтов, принятую деловую культуру и экономическое поведение. Автор настоящей статьи полностью согласен с утверждением Керова о том, что особенности религии всегда непосредственно связаны с формированием и эволюцией деловой культуры в определенный период истории для каждого этноконфессионального сообщества. Деловое поведение сообщества всегда тесно связано с ценностно-нормативной и ролевой подсистемой деловой культуры и скоррелирована с конкретными этноконфессиональными системами ценностей и институтов [11, с. 60].

Религия глубоко воздействует на экономическое поведение акторов путем их исходного воспитания, когда уже в детстве закладывается и усваивается базовая система ценностей человека, определяющая мотивацию к труду, отношение к богатству, к собственности, к неравенству, их этику и эстетику, правила социального поведения и задавая определенные стереотипы мышления. В то же время следует отметить, что идеал трансцендентного, имманентный религиозному взгляду на мир, оказывает воздействие на человеческое поведение через механизм манипулирования, который А.Р. Филиппов определил как «оказание такого скрытого воздействия на объект влияния, в ходе которого последний совершает действия в интересах манипулятора, хотя полагает, что приносит благо самому себе» [15, с. 136]. Идея трансцендентного приобретает характер имплицитного инструмента управления человеческими поступками и способами мировосприятия.

При этом практически во всех религиозных системах совпадают нравственные принципы, касающиеся труда, собственности и богатства. К их числу относятся следующие установки: «Признание труда важнейшей добродетелью, приоритет духовных благ над материальными, осуждение сребролюбия, жадности и скарденности, восхваление милосердия и благотворительности, запрет на воровство и грабеж, осуждение обмана и мошенничества» [16, с. 47].

Именно поэтому корреляция проведена между принятыми в конкретном социуме религиозными установками и формами развития, принципами и механизмами, используемыми банковской деятельностью, и банками как социальными институтами этноконфессиональных сообществ в тех или иных регионах. Цивилизационные особенности развития мировой экономики определяются именно этими корреляциями [17, с. 59]. Это очень хорошо изучено на примере немцев-протестантов в знаменитой работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух

капитализма». Протестантские идеи оказали очень серьезное воздействие на мотивацию предпринимателей в Западной Европе и в Новом свете в Новое время. Но при этом «...активизация хозяйственной деятельности на фоне религиозно окрашенных этических установок была присуща и другим религиозным направлениям, в частности иудеям, православным старообрядцам и даже индийским джайнам» [18, с. 101].

Проследим эту корреляцию на примере других конфессий и регионов. И.А. Ратковская справедливо замечает: «Религия как элемент культуры оказывает влияние на экономическую деятельность людей и общества: фатализм может уменьшить стремление к переменам, материальные богатства могут рассматриваться как препятствие духовному обогащению и т. д.» [19, с. 85].

Важным примером такой корреляции служат три современные модели социально-ориентированного банкинга, которые трансформировались из традиционного банкинга: азиатская, мусульманская и западно-европейская [20, с. 145].

Есть исследования, которые подтверждают существование зависимости религиозности и ВВП: «Исследование, проведенное Всемирным банком, послужило наглядным примером факта существования зависимости между религиозностью и величиной валового национального продукта (ВВП) на душу населения. Самая высокая величина ВВП приходится на христианские протестантские общества. На втором месте — общества, проповедующие буддизм. Самыми бедными являются южно-буддийские и южно-индуистские общества» [19, с. 85].

Вернемся к некоторым идеям М. Вебера, работа которого постоянно цитируется во всех исследованиях по этой проблематике. «Согласно Веберу, протестантизм напрямую способствовал возникновению современного капитализма. Протестантская этика подчеркивает позитивное значение изнурительной работы и создания богатства и, в то же время, умеренность в житейских удовольствиях. Таким образом, комбинация изнурительной работы и накопления капитала, который обычно рефинансировался, способствовали развитию капитализма в Западной Европе, а впоследствии и в Соединенных Штатах Америки» [19, с. 86].

В завершение статьи можно сделать вывод о том, что банковская деятельность представляет собой одну из неотъемлемых тканей социального организма. Данное обстоятельство подталкивает банковские практики к диффузии с иными компонентами общественной жизни — религиозной сферой, коллективным сознательным и бессознательным, культурно детерминируемыми поведенческими факторами, обычаями и стереотипами. Проникновение социокультурной составляющей в сферу банкинга способно менять окрас самого существа банковской деятельности и вносить новации в процедурную сторону банковских практик, связанную с извлечением прибыли и приращением капиталов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гачев Г.Д. *Ментальности народов мира*. Москва, Алгоритм, Эксмо, 2008, 544 с.
- [2] Филиппов А.Р. Религиозная политика Японии XV–XVII вв. в контексте централизации власти и зарождения реалистического авторитаризма. *Социально-политические науки*, 2023, т. 13, № 2, с. 36–43.
- [3] Беляев Г.Ю. Социокультурные матрицы социализации — культурно-исторические векторы культурных форм воспитания. *Проблемы современного образования*, 2012, № 2, с. 21–33.
- [4] Абушенко В.Л. Социализация. *Образовательная политика*, 2010, № 4, с. 66–68.
- [5] Назмутдинов В.Я. Социализация поколений. *Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана*, 2013, вып. 213, № 1, с. 175–180.
- [6] Филиппов А.Р., Новиков О.Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия. *Социально-политические науки*, 2023, т. 13, № 5, с. 13–28.
- [7] Волович В.Н. Стратегия развития российской экономики в XXI веке. *Проблемы современной экономики*, 2012, № 2, с. 13–16.
- [8] Brady Thomas A., Oberman Heiko A., Tracy James D. *Handbook of European History 1400–1600. Late-middle Ages, Renaissance and Reformation. Vol. 1: Structures and Assertions*. Leiden, New York, Koln, E.J. Brill, 1994, 736 p.
- [9] Волович В.Н. Роль экономического мировоззрения в развитии человеческого общества. *Записки Горного института*, 2005, т. 163, с. 223–226.
- [10] Покровская Н.Н. Рациональность экономического поведения. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*, 2007, вып. 9, № 46, с. 128–137.
- [11] Керов В.В. Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII–XIX вв. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России*, 2008, № 3, с. 51–64.
- [12] Поликанова Е.П. Социализация личности. *Философия и общество*, 2003, № 2, с. 84–106.
- [13] Troeltsch E. *The social teaching of the Christian churches*. New York, Harper, 1960, 456 p.
- [14] Смирнов Т.А. Семья и социализация личности. *Мир науки, культуры, образования*, 2013, № 3, с. 376–379.
- [15] Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования. *Власть*, 2024, № 3, с. 133–139.
- [16] Абдульманова Е.С. Экономика и религия: проблема взаимосвязи и взаимовлияния. *Экономика и социум*, 2016, № 12, с. 43–48.
- [17] Колотов Ю.О., Зиниша О.С. Развитие информационно-финансового капитала — религиозно-культурный аспект. *Региональная экономика: теория и практика*, 2009, № 19, с. 56–59.
- [18] Корытцев М.А. Совместимы ли духовность и бизнес? *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 2010, вып. 1, № 2, с. 99–102.
- [19] Ратковская И.А. Влияние религиозных моделей на формирование модели управления персоналом. *Вестник Новгородского государственного университета*, 2013, № 74, т. 1, с. 84–87.
- [20] Герасимов А.Н. Мировой опыт образования моделей социально-ориентированного управления банками. *Caucasian Science Bridge*, 2021, вып. 4, № 2, с. 144–154.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025

Влияние социокультурных матриц на специфику развития банковской деятельности

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Зубов В.В. Влияние социокультурных матриц на специфику развития банковской деятельности. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 1. EDN KWEUZR

Зубов Вадим Владиславович — канд. истор. наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
e-mail: zubov305@yandex.ru

Influence of the socio-cultural matrices on specifics in the banking development

© V.V. Zubov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

The paper analyzes reasons in correlating religious attitudes of a certain society and those forms and mechanisms of the banking activity that appeared and began to develop in a particular country from the point of view of the science philosophy and technology. It emphasizes that features in the social behavior of people, including those in the economic behavior, are complexly and nonlinearly determined by the socio-cultural matrices in socialization of the society, where an individual is born, brought up and acts. The paper notes that socio-cultural matrices appear to be sets of the socio-cultural, institutional, psychological and behavioral patterns transmitted during primary socialization through the cultural-behavioral stereotypes and embedded in subconscious of the separate individuals. It attracts attention to a close connection between the religious socio-cultural matrices and the early period in institutionalizing the banking activity. Judaism, Catholicism, Protestantism, Orthodoxy and Islam determine the trajectory in the banking development due to a complex system of prohibitions on certain financial actions. The paper shows that in solving the purely economic problems and achieving profitability in banking, as one of the entrepreneurship types, rather sophisticated tools are always appearing to overcome these prohibitions and achieve the set economic goals. They include a whole set of tricks and sham transactions to receive profit and circumvent the religious guidelines.

Keywords: socio-cultural matrix, socialization, religion, mentality, bank, banking

REFERENCES

- [1] Gachev G.D. *Mentalnost narodov mira* [Mentalities of the peoples of the world]. Moscow, Algoritm Publ., Eksmo Publ., 2008, 544 p.
- [2] Filippov A.R. Religioznaya politika Yaponii XV–XVII vv. v kontekste tsentralizatsii vlasti i zarozhdeniya realistskogo avtoritarizma [Religious policy of Japan in the XV–XVII centuries in the context of centralization of authority and the emergence of realistic authoritarianism]. *Sotsialno-politicheskie nauki — Sociopolitical Sciences*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 36–43.
- [3] Belyaev G.Y. Sotsiokulturnye matrity sotsializatsii — kulturno-istoricheskie vektory kulturnykh form vospitaniya [Sociocultural matrices of socialization as cultural-historical vectors of education forms]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya — Problems of Modern Education*, 2012, no. 2, pp. 21–33.
- [4] Abushenko V.L. Sotsializatsiya [Socialization]. *Obrazovatel'naya politika — Educational Policy*, 2010, no. 4, pp. 66–68.
- [5] Nazmutdinov V.Ya. Sotsializatsiya pokoleniy [Socialization of generations]. *Uchenye zapiski Kazanskoy gosudarstvennoy akademii veterinarnoy meditsiny imeni N.E. Baumana — Scientific notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman*, 2013, iss. 213, no. 1, pp. 175–180.
- [6] Filippov A.R., Novikov O.G. Theoretical approaches to the study of social harmony. *Socio-political Sciences*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 13–28.
- [7] Volovich V.N. Strategiya razvitiya rossiyskoy ekonomiki v XXI veke [Strategy of the Russian economy development in the XXI century]. *Problemy sovremennoy ekonomiki — Problems of Modern Economics*, 2012, no. 2, pp. 13–16.

- [8] Brady Thomas A., Oberman Heiko A., Tracy James D. *Handbook of European History 1400–1600. Late Middle Ages, Renaissance and Reformation. Vol. 1: Structures and Assertions*. Leiden, New York, Koln, E.J. Brill, 1994, 736 p.
- [9] Volovich V.N. Rol ekonomicheskogo mirovozzreniya v razvitii chelovecheskogo obshchestve [The role of economic worldview in the development of human society]. *Zapiski Gornogo instituta — Journal of Mining Institute*, 2005, vol. 163, pp. 223–226.
- [10] Pokrovskaya N.N. Ratsionalnost ekonomicheskogo povedeniya [Rationality of economic behavior]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, iss. 9, no. 46, pp. 128–137.
- [11] Kerov V.V. Konfessionalnye osnovy delovoy kultury i delovogo povedeniya predprinimatelskikh soobshchestv v Rossii XVIII–XIX vv. [Confessional basis of business culture and business activities of entrepreneurship communities in Russia in XVIII–XIX centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2008, no. 3, pp. 51–64.
- [12] Polikanova E.P. Sotsializatsiya lichnosti [Socialization of personality]. *Filosofiya i obshchestvo — Philosophy and Society*, 2003, no. 2, pp. 84–106.
- [13] Troeltsch E. *The social teaching of the Christian churches*. New York, Harper, 1960, 456 p.
- [14] Smirnov T. A. Semya i sotsiolizatsiya lichnosti [Family and personality socialization]. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya — The World of Science, Culture and Education*, 2013, no. 3, pp. 376–379.
- [15] Filippov A.R. Politicheskaya ideologiya kak raznovdnost manipulirovaniya [Political ideology as a form of manipulation]. *Vlast*, 2024, no. 3, pp. 133–139.
- [16] Abdulmanova E.S. Ekonomika i religiya: problema vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya [Economics and religion: the problem of interrelation and mutual influence]. *Ekonomika i sotsium — Economics and Society*, 2016, no. 12, pp. 43–48.
- [17] Kolotov Yu.O., Zinisha O.S. Razvitie informatsionno-finansovogo kapitala — religiozno-kulturnyi aspekt [Development of information and financial capital — the religious and cultural aspect]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika — Regional Economics: Theory and Practice*, 2009, no. 19, pp. 56–59.
- [18] Koryttsev M.A. Sovmestimy li dukhovnost i biznes? [Are spirituality and business compatible?] *Journal of Economic Regulation*, 2010, iss. 1, no. 2, pp. 99–102.
- [19] Ratkovskaya, I.A. Vliyanie religioznykh modeley na formirovanie modeli upravleniya personalom [The influence of religious aspects on the formation of a personnel management model]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 2013, no. 74, vol. 1, pp. 84–87.
- [20] Gerasimov A.N. Mirovoy opyt obrazovaniya modeley sotsialno-orientirovannogo upravleniya bankami [World experience in the formation of models of socially oriented management of banks]. *Caucasian Science Bridge*, 2021, iss. 4, no. 2, pp. 144–154.

Zubov V.V., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. e-mail: zubov305@yandex.ru